

Оглавление

Прелюдия <i>Лас-Вегас, июль 2017 года</i>	11
Деньги на стол <i>Нью-Йорк, конец лета 2016 года</i>	15
Рождение игрока <i>Бостон, осень 2016 года</i>	42
Искусство проигрывать <i>Нью-Йорк, осень 2016 года</i>	56
Разум стратега <i>Нью-Йорк, конец осени 2016 года</i>	77
Царство мужчин <i>Нью-Йорк, зима 2016</i>	105
Зло бэдбитов <i>Лас-Вегас, зима 2017 года</i>	127
Как спустить миллионы на смс <i>Лас-Вегас, зима 2017 года</i>	148
Ремесло рассказчика <i>Лас-Вегас, март 2017 года</i>	166
Игрок и зануда <i>Монте-Карло, апрель 2017 года</i>	182
Искусство чтения <i>Нью-Йорк, май 2017 года</i>	205
Прочти себя <i>Нью-Йорк, май — июнь, 2017 года</i>	220
Очертя голову <i>Лас-Вегас, июнь — июль 2017 года</i>	237

Дни славы Багамы, январь 2018 года	279
Сердце азартного зверя Макао, март 2018 года	301
Игровое заблуждение Лас-Вегас, июнь 2019 года	332
<i>Словарь терминов покера</i>	341
<i>Благодарности</i>	345

Деньги на стол

Нью-Йорк, конец лета 2016 года

Но при всех затратах и опасностях этого занятия нет лучшего способа для мужчины познать жизнь среди людей, как сесть за карточный стол, в особенности за тот, где играют в покер.

КЛЕМЕНС ФРАНС,
“Тяга к азартным играм”

В глубине кафе я вижу бейсболку Эрика Сайдела. Она лежит на кушетке рядом с ним самим. Я узнала ее, потому что тщательно изучила Эрика, прежде чем завести знакомство. Я заранее составила его психологический профиль — по крайней мере, профиль того человека, каким он кажется со стороны. Он не похож на прочих профессиональных игроков в покер: обычно те жаждут внимания толп, обожают, когда их снимают, любят работать на публику и носятся со своими “фичами”, будь то приступы гнева, немотивированная агрессия или привычка безостановочно болтать за столом. Эрик молчалив. Сдержан. Всегда внимателен. Похоже, он играет взвешенно и расчетливо. И побеждает: у него восемь браслетов *WSOP*, титул победителя Мирового покерного тура и десятки миллионов долларов призовых денег. Я тщательно подумала, прежде чем выбрать его. Еще бы — я ведь собираюсь предложить ему провести со мной целый год. Предложение в каком-то смысле не хуже брачного. Тут важно предварительно как следует изучить объект.

Впервые за долгое время я нервничаю — по-настоящему нервничаю. Я вдумчиво подобрала наряд для этой встречи — изысканный, но не консервативный, серьезный, но не слишком. Чтобы выглядеть как человек, которому можно доверять и на которого можно положиться, но в то же время как человек,

с которым приятно пройтись по барам. Я собираюсь охмурить его по всем правилам науки.

Мы встречаемся в заведении, представляющем собой голливудскую версию французского кафе. Я пришла рано, но он — еще раньше. Вон он, в дальнем углу, скрючился за столиком, слишком крохотным для его почти двух метров роста и длинных конечностей. Темная футболка оттеняет бледное, сосредоточенное лицо. Он читает журнал. К моему огромному облегчению это свежий, августовский номер “Нью-Йоркера” — тот, что с нежной морской акварелью Семпе¹. Игрок в покер, читающий “Нью-Йоркер”, — как раз такой человек мне и нужен. Словно почуявшая след гончая, я осторожно двигаюсь к столу, стараясь не спугнуть свою жертву.

Эрик Сайдел, безусловно, самый скромный чемпион по покеру в мире. Кроме успехов в покере, он выделяется среди других игроков еще и продолжительностью карьеры: он до сих пор сражается за звание лучшего игрока, начав еще в конце восьмидесятых. А это непросто, ведь за последние тридцать лет игра серьезно изменилась. Как и во многих других областях современной жизни, количественная составляющая покера стала важнее качественной. Главным стала не интуиция, а расчеты. Не наблюдательность, а статистика. Не “чутье”, а теория игр. Похожая тенденция наблюдается в столь далеких друг от друга областях, как психология, где социальная психология уступает место нейробиологии, и музыка, где алгоритмы и эксперты просчитывают не только то, что мы слушаем, но и то, как, с точностью до доли секунды, выстраивается мелодия, чтобы песня стала популярной. Вот и в покере та же история. Вокруг столов расселись доктора наук из Калифорнийского технологического². Распечатки стати-

1 Жан-Жак Семпе (р. 1932) — французский художник-карикатурист, известный в числе прочего благодаря совместной работе с Рене Госсини над книгами о приключениях Малыша Николя, неоднократно становился автором обложек для журнала “Нью-Йоркер”. (*Здесь и далее, если не указано иное, — прим. перев.*)

2 Калифорнийский технологический институт, расположенный в городе Пасадена, Калифорния, — один из двух главных университетов США (наряду с Массачусетским технологическим), специализирующихся на точных науках.

стических данных уже никого не удивляют. В беседах то и дело мелькают *GTO* (*Game Theory Optimal*, теория оптимальной игры) и *+EV* (*positive expected value*, положительное математическое ожидание). Разговоры о вероятностях звучат громче разговоров о чувствах. Эрику предрекали, что если он будет придерживаться своего стиля игры и больше полагаться на человеческий фактор, чем на математику, то его ждет судьба динозавров. Однако он остается одним из лучших игроков. В мире профессионального покера — мире, где правят раздутое самолюбие, тестостерон, слова-паразиты и эгоизм, — Эрик выделяется не только скромностью. Он, возможно, единственный игрок-профессионал, который состоит в Бруклинской музыкальной академии¹ или может запросто метнуться на другой конец страны, чтобы посмотреть стендап Дэйва Шаппелла², а еще обладает почти энциклопедическими познаниями в достижениях кулинарии от Лос-Анджелеса до Манилы. И он уж точно единственный игрок-профессионал, предпочитающий Нью-Йорк Лас-Вегасу, — кроме обычного жилья в Вегасе у него есть временная резиденция на Манхэттене, в Верхнем Вест-сайте, том самом районе, где прошло его детство. Его любознательность неподдельна и безгранична, его любовь к жизни стопроцентно заразительна.

— Ангус и Джулия Стоун — слышали их? — ни с того ни с сего спрашивает он на нашей первой встрече.

Кого? Я даже не понимаю, откуда это. Может, это писатели, о которых я ничего не знаю? Или актеры, прошедшие совершенно мимо меня? Или просто какие-то ньюйоркцы, которых, по его мнению, я должна знать? Оказывается, музыканты. Я сижу и надеюсь, что не убила его интерес ко мне и все еще выгляжу достаточно интеллигентной, чтобы пройти испытание на ширину кругозора. Моя нервозность растет, как на дрожжах.

1 Бруклинская музыкальная академия — центр, занимающийся поддержкой развития авангардного искусства, не только в области музыки. Включает в себя оперный и драматический театры, общедоступный цифровой архив и многое другое.

2 Дэйв Шаппелл (р. 1973) — американский стендап-комик, актер и сценарист, лауреат двух премий “Эмми” и одной — “Грэмми”.

— Это нечто особенное, — говорит он. — Дуэт из Австралии, брат и сестра. Я много раз слышал их вживую.

Впоследствии я еще часто буду слышать от него это выражение — “нечто особенное”. Майк Бирбиля — нечто особенное. Новая постановка “Отелло” — нечто особенное. Маленький неформатный суши-бар вдалеке от туристических троп Лас-Вегаса, в котором мы пообедали во время моей первой вылазки в город греха, — нечто особенное. Профессиональный игрок в покер по прозвищу *LuckyChewy* — нечто особенное. Я младше Эрика на четверть века, но, общаясь с ним, я понимаю, что уже забыла, каково это — получать удовольствие от нового опыта. Я обленилась. Мне все надоело. Мне хочется свернуться клубком и лежать, а не идти в центр 92У на новое ток-шоу или в *Joe's Pub* на какое-то невразумительное действо канадских музыкантов (Эрик вытащил меня и туда, и туда, и я не пожалела. За месяцы, следовавшие за нашим знакомством, мой плейлист наполнился множеством рекомендованных им композиций, у меня появилась куча новых любимых стендап-шоу, а мой список того, что нужно будет когда-нибудь обязательно посмотреть на *Netflix* или в театрах, — до которого у меня точно никогда не дойдут руки, — разросся до огромных размеров. Эрик — ходячий справочник “Что интересного в городке”¹). Мое представление об идеальном вечере: бокал вина или чашка чаю дома, что-нибудь почитать или посмотреть на сон грядущий. А Эрик на это: “Ты в Нью-Йорке, лучшем городе Земли! Смотри, сколько всего ты упускаешь!”

Такой же энтузиазм и любознательность он проявляет, когда дело касается покера. Эрик следит за успехами новых игроков, разбирается в приложениях и программах и ни на минуту не допускает, что уже знает все, что можно. Он отказывается почитать на лаврах. Если бы мне пришлось придумывать ему девиз, я бы выбрала такой: “Жизнь слишком коротка для самодовольства”. И когда я все-таки задала вопрос, который ему

¹ *Goings On About Town* (букв. “Что интересного в городке”) — приложение к журналу “Нью-Йоркер”, где публикуются анонсы событий.

приходится слышать чаще всего: какой главный совет он дал бы начинающим игрокам в покер? — его ответ заключался в двух словах: будьте внимательны. Два простых слова, о которых мы чаще всего забываем. Обращать внимание на то, что происходит здесь и сейчас, гораздо труднее, чем идти по пути наименьшего сопротивления.

Я узнала об Эрике, наверное, оттуда же, откуда узнают о нем и большинство новичков в покере — из фильма 1998 года “Шулера”. Во многих отношениях именно благодаря этой картине игра сделалась массовым увлечением. Главный герой (в исполнении Мэтта Дэймона), одаренный студент юридического факультета, играет в покер, чтобы платить за учебу, а в конце концов отказывается от карьеры юриста, выбрав путь профессионального игрока. И больше всего персонажа Мэтта Дэймона вдохновлял конкретный случай, *шоудаун* за финальным столом *WSOP* 1988 года, где играли Джонни Чен и Эрик Сайдел. Разбор этой игры происходит на протяжении всего фильма. Чертов Джонни Чен, великий мастер, без конца повторяют комментаторы. И Эрик Сайдел — паренек, попавший как кур в ощи́п. Самая известная в непокерном мире раздача. Дамы Эрика проиграли стриту Чена — это была мастерская ловушка для ни о чем не подозревающей жертвы.

Чен на тот момент был действующим чемпионом, Эрик же впервые в жизни участвовал в крупном турнире. Он одолел 165 соперников, чтобы дойти до финального стола и остаться одним из двух выживших. Невероятный подвиг и потрясающее начало карьеры.

Фильм был хитом среди студентов. Он вышел в конце девяностых, а к началу нулевых каждый подросток уже подумывал, сможет ли он оплатить учебу с выигрышей в покер. Я в то время покером вовсе не интересовалась — даже понятия не имела, что такое *стрит* или почему Чен использовал его как ловушку для Сайдела. Для меня все это было китайской грамотой, и я не горела желанием учить иероглифы. Но несколько лет спустя, когда я все же посмотрела фильм, меня глубоко потрясла фраза, которую произносит Мэтт Дэймон, рассуждая о дуэли Чена

и Сайдела: “Это не о том, как играть в карты. Это о том, как играть людьми”. Клише, конечно, — однако это клише описывает то, что меня интересует, то, что занимает мои мысли больше всего на свете. Психология. Самоконтроль. Способность прочекать свой стрит до конца — как это сделал Чен. Иметь на руках самую сильную комбинацию, но никак это не выдавать, чтобы соперники думали, будто они побеждают, хотя на самом деле они уже проиграли. Не нужно знать, что такое стрит и чек, чтобы оценить всю красоту этой стратегии.

И вот передо мной сидит тот самый человек: никому не известный паренек, ставший мастером. Живая легенда в мире покера. И я хочу уговорить его, чтобы следующий год своей жизни он потратил на мое обучение — при том что он, насколько мне известно, никогда не брал учеников, а я никогда не играла в покер. Я хочу, чтобы Эрик учил меня, чтобы он подготовил меня к главному чемпионату по покеру, Мировой серии покера, она же *WSOP*. Тому самому турниру, благодаря которому он много лет назад невольно превратился в легенду. В ходе обучения я рассчитываю понять, как принимать лучшие из возможных решений не только за карточным столом, но и в жизни. Освоив покер, я надеюсь приручить удачу — научиться менять жизнь к лучшему, даже когда карта категорически не идет.

Я думала, это займет год — точно отмеренный, контролируемый срок. Легко представить, легко осознать. У меня был план. Понравится Эрику, объединить усилия, поучаствовать в Главном событии *WSOP*. И выжить, чтобы рассказать, как это было.

Назначить срок было проще всего. Год — это просто и ясно. От сих до сих. Год подкупает — ведь каждый легко может представить, как занимается чем-то в течение этого периода. Мой год того-то, мой год сего-то, год, когда я буду пробовать себя в новой роли строго до назначенного дня. Никому не интересно слушать о моих трех с половиной годах не вполне успешных попыток. У кого найдется столько времени? Другое дело — задача на год, это можно осилить. Отличное противоядие против беспорядочности жизни.

Но у жизни были свои идеи на этот счет. План пришлось пересмотреть. График полетел в тартарары под напором непредвиденного. И в самом деле: хочешь насмешить Господа — расскажи ему о своих планах. Что бы я ни думала о Боге, я верю в случай. В пыхтение паровоза Вселенной, который прет себе по рельсам, не заботясь о нас, наших планах, наших мотивах и наших действиях. И будет пыхтеть, что бы мы ни делали или ни отказывались делать. Возможности. Случайности. То, что мы не можем проконтролировать, как бы ни пытались. Но кто упрекнет нас за то, что мы не оставляем попыток?

То, как мы пытаемся нащупать точку равновесия между удачей и контролем, то, как мы принимаем решения, — проблема, занимающая мои мысли много лет. Когда я была маленькой, мне выпала, быть может, величайшая удача в моей жизни: родители уехали из Советского Союза, и мне открылся мир возможностей, о которых иначе я не могла бы и мечтать. Подроском я прилагала все силы, чтобы добиться наилучших результатов в учебе и стать частью нового поколения в нашей семье, поступившего в колледжи Соединенных Штатов. Позрелев, я захотела разобраться, чего в своей жизни я добилась сама, а не получила по прихоти судьбы — как и многие люди до меня, я стремилась понять, насколько мои достижения — моя заслуга, а насколько — удача. В книге “Сказанное и сделанное” Симона де Бовуар пишет: “Шанс, что тот самый сперматозоид оплодотворит ту самую яйцеклетку, учитывая, что прежде мои родители должны были встретиться, а еще прежде — появиться на свет, как и все их предки — был меньше, чем один на сотню миллионов”. Такова роль случайности в бытии. “И благодаря стечению обстоятельств, предсказать которое при нынешнем уровне развития науки практически невозможно, я родилась женщиной. И от каждого прожитого с тех пор мгновения, представляется мне, ответвляются тысячи вариантов прошлого. Я могла заболеть, могла бросить учебу. Могла

не встретить Сартра. Все что угодно могло случиться», — продолжает де Бовуар. Да разве можно мечтать отделить случайность от результатов сознательных усилий?

Это был философский вопрос не хуже других. И я выбрала лучший из известных мне способов для поиска ответа: я пошла в магистратуру. Сформулировала вопрос. Исследовала тему. Мне было интересно: как часто мы на самом деле контролируем происходящее? И как в ситуациях, где правит случай, на наши решения влияет иллюзия, будто мы что-то контролируем? Как ведут себя люди, когда им не хватает информации о том, что с ними происходит?

Во время своей учебы в докторантуре я просила людей сымитировать игру на бирже с ограничением по времени. На протяжении пяти лет в моем исследовании участвовали тысячи испытуемых. В ходе задания они должны были вложить определенную сумму денег в одну из двух акций или в облигацию. Деньги были настоящие, а от успешности вложения зависело, сколько испытуемому заплатят — в диапазоне от одного доллара до семидесяти пяти и больше. Финансовую операцию каждый испытуемый проделывал более сотни раз. Облигация гарантированно приносила деньги, но мало — всего один доллар. А вот акции были аналогичны настоящей игре на бирже: если повезет, на них можно было заработать до десяти долларов за круг, но если нет, то с ваших доходов одним щелчком спишутся именно десять долларов. В каждом раунде одна из двух акций (остроумно названных нами “А” и “Б”) случайным образом назначалась “хорошей”, другая — “плохой”. “Хорошая” давала пятидесятипроцентный шанс заработать десять долларов, 25 % — остаться при своих и еще столько же — потерять десять долларов. “Плохая” понижала ваши шансы на выигрыш до 25 % и повышала шансы проиграть до 50 %. Меня интересовало вот что: какой стратегией будут руководствоваться участники и насколько быстро они поймут, которая из акций “хорошая” (оптимальная инвестиционная стратегия быстро выводит вас на “хорошую” акцию и позволяет по итогу выиграть максимальную сумму, невзирая на эпизодические проигрыши)?

Но результат этого эксперимента оказался совершенно неожиданным. Снова и снова испытуемые переоценивали свою способность контролировать события. А ведь это были умные люди, во многих отношениях преуспевающие, люди, которые должны были ли бы знать, что к чему. Мало того, что они слишком поспешно решали, как будут распределять свои инвестиции, так еще и, исходя из очень неполных данных, делали смелое предположение, какая из акций “хорошая”, и упрямо стояли на своем, даже когда начинали терять деньги. Чем больше они переоценивали значение собственных способностей относительно роли случая, тем хуже делали выводы из происходящего и тем менее эффективные решения принимали. Чем дальше, тем меньше была вероятность, что испытуемый начнет отдавать предпочтение выигрышной акции; вместо этого он обычно удваивал ставку на проигрышную акцию или полностью переходил на облигации. Люди были уверены, что знают больше, чем знали на самом деле, и из-за этой уверенности игнорировали любые признаки своей неправоты, особенно когда, как это часто бывает на настоящих биржах, “хорошие” акции превращались в “плохие” и наоборот. Иными словами, иллюзия контроля не давала им по-настоящему управлять событиями в игре, и довольно скоро качество решений падало. Испытуемые выбирали то, что выбирали прежде, или то, что им казалось правильным, — не замечая, что обстоятельства уже изменились и прежде успешная стратегия больше не работает. Если им не нравилось то, что пыталась сообщить им Вселенная, они оставались глухи к ней. Им нравилось царить над обстоятельствами. Если обстоятельства вдруг оказывались умнее — они обижались. Вот она, суровая правда жизни: мы слишком часто думаем, что все контролируем, хотя на самом деле в нашей игре правит случай.

Загадка осталась загадкой. Но где искать ответ? Иначе говоря, как теоретические знания могут помочь принимать более верные решения?

Непростой вопрос, и вот почему: уравнение с такими переменными, как мастерство и удача, на самом деле — из области теории вероятности. А наш мозг имеет встроенный недо-

статок: мы плохо понимаем вероятности. Статистические показатели не умещаются у нас в голове, потому что наш мозг в ходе эволюции не приспособился для того, чтобы понимать неопределенность, изначально заложенную в теории вероятностей. На заре нашего развития не было никаких чисел, только личный опыт и наблюдения. Жизнь не учила наших предков иметь дело с абстрактным знанием типа: “Тигры в данной местности встречаются крайне редко, вероятность встретить тигра составляет всего 2 %, а вероятность, что он нападет на тебя, — еще меньше”. Вместо этого мы привыкли руководствоваться сырыми эмоциями: “Прошлой ночью тут бродил тигр, и это было чертовски страшно!”

С тех пор прошли тысячи лет, а недостаток никуда не делся. Психологи называют его “разрывом между описанием и опытом”. Одно за другим исследования доказывают: людям не под силу усвоить математические методы; вместо того чтобы опираться на предъявленные им данные, они принимают решения, основываясь на “чутье”, “интуиции” и “таком чувстве, что это правильно”. Нужны специальные тренировки, чтобы научиться видеть мир в свете теории вероятностей, — и даже те, кто работал над этим, часто игнорируют цифры, цепляясь за личный опыт. Мы верим в то, что хотим видеть, а не в результаты исследований. Возьмем для примера то, что сейчас у всех на устах: готовность к чрезвычайным ситуациям. Что вы делаете, чтобы подготовиться к стихийным бедствиям — ураганам, наводнениям, землетрясениям, — которые происходят все чаще по мере потепления климата? А надо ли вам опасаться ядерной войны или терактов? Существует статистика, способная подсказать, имеет ли смысл покупать ту или иную страховку для дома и стоит ли вообще приобретать недвижимость в определенном районе. Точно так же, как существуют вероятностные графики, показывающие, насколько велик ваш риск стать жертвой теракта по сравнению, например, с возможностью стать инвалидом или даже умереть, поскользнувшись в собственной ванной. Но психологи убеждают вновь и вновь: какие графики и данные ни показывай людям, это не повлияет ни на их субъективную оценку риска,

ни на их решение. А что же способно заставить их передумать? Только личный опыт или опыт знакомых. Скажем, если вы застали ураган “Сэнди” в Нью-Йорке, вы с большей вероятностью купите страховку от наводнений, чем те, кто не сталкивался с ним. А если вы как раз из тех, кто ничего подобного не испытывал, вы вполне можете вложить деньги в недвижимость в Малибу, несмотря на данные, утверждающие, что пляж скоро смоет вместе с вашим домом. Если вы пережили Одиннадцатое сентября, вы будете бояться терактов больше, чем они того заслуживают. Во всех перечисленных случаях реакция людей не учитывает статистику. Не каждый дом в Нью-Йорке нужно страховать на случай наводнения — это неблагоприятный опыт заставляет вас перестраховываться. Дома на берегу — очень рискованная инвестиция в дальней перспективе, вы недооцениваете риск, потому что сами никогда не попадали в статистику пострадавших. Вероятность трагически поскользнуться в ванной на несколько порядков выше, чем вероятность стать жертвой террористов, — но попробуйте убедить в этом кого-нибудь, особенно тех, кто лично знал погибших в Башнях-близнецах.

Личный опыт перевешивает любые другие данные, хотя на самом деле он очень часто весьма однообразен. Да, можно учиться “на своих ошибках”, но опыт — плохой наставник. Вот почему так трудно отделить роль сознательных усилий от роли случая при принятии повседневных решений — для этого надо оценивать статистические данные, а мы к этому не приспособлены. При чем здесь покер? При том, что если использовать свои познания правильно, то они могут стать могущественным союзником в понимании вероятностных сценариев. Просто не надо считать опытом одно-единственное случайное событие. Это должен быть систематический процесс обучения — совсем как за карточным столом. А правильное систематическое обучение способно помочь разобраться, что случайно, а что нет, куда лучше, чем потоки цифр или изучение теории.